„РЕВИЗОРЪ“
въ Художественномъ театрѣ.

Первое представленіе.

Вчера въ Художественномъ театрѣ состоялось первое представленіе «Ревизора» со слѣдующимъ распредѣленіемъ ролей:

Городничій . . . . . г. Грановъ.
Анна Андреевна. . . . г-жа Книппер.
Марья Антоновна. . . г-жа Коренева.
Хлоповъ . . . . . г. Горевъ.
Жена его. . . . . г-жа Мутатова.
Лянкинъ-Тяпкинъ . . . г. Леонидовъ.
Земляникинъ . . . . . г. Азанчевъ.
Шпекинъ . . . . . г. Лужскій.
Добчинскій . . . . . г. Павловъ.
Бобчинскій . . . . . г. Москвинъ.
Хлестаковъ. . . . . г. Горевъ.
Осипъ . . . . . г. Грибунинъ.
Гибнеръ . . . . . г. Тезавровскій.
Лекарь . . . . . г. Завидовъ.
Растаковскій . . . . . г. Подгорный.
Коробкинъ . . . . . г. Алексиндровъ.
Частный приставъ . . . г. Массальтинскій.
Свистуновъ. . . . . г. Новосельскій.
Пустошкинъ . . . . . г. Салтыковъ.
Держиморда . . . . . г. Бондыревъ.
Абдулинъ. . . . . г. Артемъ.
Поншепенкина . . . . г-жа Красовская.
Жена умеръ-офицера. г-жа Миронова.
Слуга городничаго . . г. Коноваловъ.
Трактирный слуга . . г. Ракитинъ.

Декораціи В. А. Симова.
Режиссеры: К. С. Станиславскій и И. М. Москвинъ.
Гримы и прически Я. И. Гремиславскаго.

Первое дѣйствіе

Большая комната каменнаго дома со сводчатымъ потолкомъ, оклеенная желтыми бумажками. Надъ дверями въ рамѣ виситъ съ государственнымъ гербомъ; надъ тремя окнами—три портрета городничаго, городничихи и старухи въ чепцѣ, какой-нибудь бабки. Вымытыя картины въ рамахъ, оклеенныхъ золотыми и цвѣтными бумажками; эти рамы переносятъ къ нашимъ дѣдамъ и прадѣдамъ. Этажерка съ цѣлымъ ассортиментомъ чубуковъ; на ней нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, вѣющимися по стѣнѣ; восковыя свѣчи въ нѣсколькихъ бра; букетъ изъ бумажныхъ цвѣтовъ подъ стеклянными колпаками на предпечномъ столикѣ. Посредині комнаты большой круглый столъ и вокругъ него рядъ креселъ красного дерева, сбоку диванъ, на которомъ только-что, видимо, валялся городничій; снятая розовая подушка и стеганное одѣяло—все это создаетъ типичную, эпоху обстановку старого времени.

Въ одно окно видны скверные деревянные домишки городка, въ другое—церковь; третье окно выходитъ въ переднюю, гдѣ видны кузьки, бутыли,—видимо, принесенныя.

Занавѣсъ не успѣлъ раздвинуться, какъ уже раздалось знаменитое: «Я пригласилъ васъ»...

Городничій, въ халатѣ поверхъ красной солдатской рубахи, безъ галстука, вполуголую придвинулъ къ слушателямъ свое лицо, произноситъ ее съ большими паузами. Его волненіе гораздо сильнѣе, чѣмъ мы привыкли это видѣть. Послѣ слова «ревизоръ» — долгая томительная пауза. Собравшіеся оцѣпенѣли. Пользуясь долгими паузами, мы разсматриваемъ ихъ.

Смотритель богоугодныхъ заведеній — не дать, не взять Иванъ Никифоровичъ Перепрыгинъ: такъ же необъятенъ, такъ же одѣтъ въ широкіе шаровары и казакинъ. Чтобы тіи получила видъ необыкновенной тучности, отъ подбородка у него все нижу подвешено матерій, выкрашенной въ тѣлесный цвѣтъ. Подъ матеріей, очевидно, вата. Это придаетъ ему большое сходство съ пеликаномъ. Говоритъ Земляника тонкимъ голосомъ и слегка заикается.

Судья тоже слегка заикается. Какъ двѣ капли воды похожъ на рисунокъ Болгевскаго, что можно сказать почти обо всѣхъ персонажахъ. Онъ тоже въ халатѣ.

Смотритель училищъ — Петръ Ивановичъ Добчинъ, голова — рѣдька, хвостомъ вверхъ.

— А подать сюда Землянику... а подать Тяпкина-Лянкина это большая пикмическая сцена, вся полная великой тревоги предчувствія.

Звонокъ. Всѣ вскакиваютъ. Вотъ сейчасъ. Оказывается,—почтмейстеръ. Входитъ и кланяется, какъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, лицомъ—двѣ капли воды... г. Дагилевъ.

Сцена нарастаетъ впечатлѣніе. Сцена звонокъ,—нервы приходятъ еще сильнѣе; плетнотъ Добчинскій и Бобчинскій; на первомъ—ситцевые горошковъ штаны, второй въ парусиновомъ фракѣ. Маленькіе, съ печенными яблочками вмѣсто лицъ, дѣтски умѣрошныя въ ревизоръ. При первомъ сомнѣніи Бобчинскій крестится:

— Ей-Богу, онъ.

Очередь креститься—городничему, а Бобчинскій, стоя передъ нимъ, мѣсть сочувствія, крестится опять. Городничаго начинаютъ сильно отѣвать. Добчинскій и Бобчинскій подвязываютъ къ сапогамъ его шпоры. При каждомъ шорохѣ, стукѣ всѣ бросаются въ кучу, какъ перепуганное стадо, явно потерявшее всякую способность дѣйствовать сознательно. Рѣзкость и подчеркнутость всѣхъ душевныхъ проявленій въ этомъ актѣ доходятъ почти до стилизаціи. Городничій особенно даетъ этотъ стиль. Инакахъ полутоновъ. Все—какъ отрубленно.

Уѣхали. Выбѣгаетъ маменька и дочка. Маменька пожилая, курносая, провинціа и провинціальна до послѣдней степени, съ рѣзкимъ, такимъ же провинціальнымъ голосомъ.

Дочка съ хорошенькимъ, чувственнымъ личикомъ. Обѣ дамы въ роберонахъ; у дочки изъ-подъ юбки выглядываютъ длинные, до щиколотки шелковые панталончики съ кружевцами. Обѣ повисаютъ на подоконникахъ, тѣсня бѣдныя герани, готовыя вырыгнуть на улицу.

А. Р.

Второе дѣйствіе.

Обвалившаяся штукатурка, обрывки лубочныхъ картинъ на стѣнахъ, все запущено и загажено до послѣдней степени. Стѣны оклеены старыми канцелярскими бумагами. Очевидно, купленъ гайморъ въ аренду на лунцѣ... или по случаю. Окно на уровнѣ пола.

Такой номеръ трактира во 2-мъ актѣ.

Бирюзовая кровать красного дерева, видавшая лучшіе времена, красного же дерева, основательное кресло и столъ; на нестираномъ деревянномъ ящикѣ мѣдный тазъ для умыванія, у окна тощій чемоданъ.

Вотъ обстановка.

На кровати, изобразившая ситцевыя подушки и одѣяло, валяется Осипъ. Фигура въ высшей степени мужиковорная и совсѣмъ не похожая на лакея, побывавшаго въ Питерѣ. Волосы остриженны по-крестьянски, борода выпущена, и въ

дополнение ко всему амуртукъ изъ нисколько набойки, очень напоминающій попугъ.

Монологъ ведется г. Грибуйновымъ мило и монотонно. Публика начинаетъ усиленно кашлять, и только появленіе Хлестакова подниметъ общій интересъ.

Онъ входитъ въ фракѣ брусничнаго цвѣта, въ панталонахъ-бананахъ, точно соскочившій съ модной картинки 20 къ годовъ, но съ пилонъ, весьма утрированнымъ.

По тому, не быстрымъ, неожиданнымъ сначалаъ отъ безработности рѣшеніи къ неподдѣльному отчаянію, по открытой мимикѣ лица, отражающей всѣ эти скачки, сразу видно, что Хлестаковъ прежде всего мальчишка, почти ребенокъ. Это передается г. Горевымъ превосходно.

Осипъ не ставитъ его на ея гранъ и только послѣ выпущенныхъ барановъ сапога рѣшается итти хлопотать объ обѣдѣ.

Является трактирный слуга, не столичная «шестерка», а матерый уѣзный половой, напоминающій къ носу и вершій постоянну тупо и угрюмо.

Замирающій чиновникъ Хлестаковъ разобрался, ругается со слугою и даже съ барской повадкой дергаетъ слугу за курчавые волосы. Слуга и это принимаетъ безчувственно.

Мимическая сцена встрѣчи Хлестакова, спрятавшагося за дверь, съ городничимъ и обоими исполняется, пожалуй, даже съ нѣкоторой утрировкой, но все-таки производитъ живое и веселое впечатлѣніе.

Въ голосѣ Ивана Александровича при упоминаніи о тюрьмѣ звучатъ неподдѣльныя слезы выпившаго съ поличнымъ ребенка. Его отношенія даже какъ будто жалко...

По городничій даетъ денегъ и происходитъ рѣзкая метаморфоза: мальчишка сжалъ, сталъ привѣтливъ и начинаетъ простодушно фиглять.

При діалогѣ присутствуетъ Добчинскій (г. Пилаевъ), усѣвшійся у окошка не чемодамъ. Въ лицѣ его, какъ въ зеркалѣ, отражается всѣ мимолетныя настроенія главныхъ лицъ, и это удается автору продѣлывать съ неподдѣльнымъ комизмомъ.

Знаменитая сцена питанія городничимъ слуги исполняется совершенно новому. Вмѣсто классическаго грознаго тона, знаменитое «Нешелъ вонъ!» г. Уриловъ произноситъ, къ удивленію къ высокому тесту, чуть ли не патріоническимъ тономъ. Эффектъ неожиданный и удачный. Злъ хохочетъ.

Расплющенный носъ Бобчинскаго и его «небольшая пашенка сверхъ носа» еще подниматъ веселое настроеніе публики.

Съ покрытіемъ сапогъ дорожные злоключенія. Жалѣемъ только, что Осипъ на высотѣ портретовъ.

С. М.

Третье дѣйствіе.

Городничиха и дочка все еще висятъ на окнахъ. Приходъ дожидая вмѣстѣ, не время бѣжавшаго Добчинскаго. Волнуется спорадъ на-на платьевъ. Анна Андреевна горѣйки отстаиваетъ свои темные глаза, Марья Антоновна начинаетъ плакать, когда ее заставляютъ надѣть платья того цвѣта, въ какой выражается вечеръ Анюнина-Тяпкина. Нѣсколько горничныхъ дѣвокъ встуръ, убираетъ, бѣгаетъ несутъ въ комнату для Хлестакова перины, матрацы, — много суеты. На столъ водружаются бутылки.

Хлестаковъ является уже «готовый»; чиновники не столь удручены, какъ раньше: бутылка-телеграфистка подѣйствовала. Даже значкистъ разостно изрекъ «обращеніемъ высшаго тона», какое произнесъ Хлестаковъ, потомъ быстро освоивается съ положеніемъ. Сцена объясненія, вѣрнѣе, борьбы съ объясненіемъ, проходится мастерски. Хлестаковъ изо всѣхъ силъ старается не потерять сознанія, принимая къ чарочкѣ обычное выраженіе лица, очень старается в правильномъ произношеніи всѣхъ словъ. Объяснный человѣкъ налицо, но вдохновенной импровизаціи нѣтъ.

Чиновники почтительно встаютъ не тамъ, гдѣ вранье Хлестакова достигаетъ апогея, а исключительно неожиданно обращенного къ нимъ вопроса: «Начальникъ департамента уѣзжалъ. Куда уѣзжалъ?» Эти послѣдніе два слова онъ бросаетъ въ сторону чиновниковъ,—и они вскакиваютъ. Наконецъ, почтительно поддерживаемый городничимъ и Земляникой, Хлестаковъ отправился спать, и на сценѣ остается дамы. Разрѣшенныя, къ великолѣпнымъ, прежнихъ платьяхъ, онѣ являются превосходныя воплощенія чувственности. У дочки это чувство почти безсознательно, но ярко до послѣдней степени. Она почти инвеногаетъ отъ томленія. Городничій, разкрашенная Осипа, уже нервно ѣжаетъ и потягивается: онъ сознаетъ, что побѣда до извѣстной степени одержана, и огромная напряженность, въ теченіе цѣлаго дня, начинаетъ переходить въ усталость. Онъ растягивается на диванѣ.

М. Н.

Четвертое дѣйствіе.

Утро. Нарушенныя шторы на окнахъ спущены. Сквозь шторы нельзя видѣть, яркое, «настоящее» солнце.

На столѣ самоваръ.

Большой, трехведерный, полержавный, помятый.

Чайникъ, чашки—все это выбиралось съ большимъ страженіемъ.

Булки и калачи, въ изобиліи украшавшіе столъ,—и о нихъ подумали: бѣлые хлѣбы домашняго изготовленія и такой величины, что, видно, подъ силу только Земляникѣ и городничему.

Чиновники уже не въ мундирахъ, какъ въ первыхъ актахъ, а въ парадныхъ мундирахъ: красные воротники сибиная малиновые съ галунами.

Аннюсь Ѳедоровнѣ выстроилъ всѣхъ «на военную ногу».

Послышались шаги Хлестакова.

Чиновники шарахнулись къ дверямъ; грузная фигура «инспиратора» чертъ маленькую дверь, такъ что кажется, что стѣна рушится.

Появляется Хлестаковъ.

Осипъ рекомендуетъ чай, и свой поклонъ Хлестакову произноситъ, прихлебывая чай и съ аппетитомъ кидая кусками домашняго здѣшняго хлѣба.

Сцена съ судьей.

Сначала разговоръ ведется на разстояніи: Хлестаковъ за чайнымъ столомъ, трепещущій Аннюсь Ѳедоровнѣ робко жмется у двери.

Подъ конецъ разговора Аннюсь Ѳедоровнѣ рѣшается усѣсться рядомъ.

Онъ суетъ деньги подъ скатерть и печально поглядъ глазъ Хлестакова.

Хлестаковъ къ недоумѣніи; Аннюсь Ѳедоровнѣ роняетъ деньги.

На лицѣ Хлестакова радостное изумленіе.

— Да это деньги!

Почтмейстеръ нѣсколько смѣлѣе.

Онъ сразу усаживается за чайный столъ, по приглашенію Хлестакова.

Деньги передаетъ просто, изъ рукъ въ руки.

Луку Лукича приглашаютъ къ попкату.

Хлестаковъ самъ усаживаетъ его на свой стулъ.

Во время разговора на минуту уходитъ въ другую комнату, и тутъ только впервые появляется гитара въ старомодной, изрѣдкой круглой формѣ шинѣ.

Деньги отъ Луки Лукича получены, и Хлестаковъ почти выдергиваетъ изъ-подъ него стулъ.

Земляника гораздо смѣлѣе.

Когда Земляника на минутъ отъ своихъ дѣлъ, онъ, на ремарки автора, спускается близко къ своимъ стульямъ и говоритъ пиллетасы.

Земляника-Аммосъ нашептываетъ на ухо.

Грузная, многоумная фигура приѣхала на корочки, фиглянки съ многозначительно подмигиваетъ и смѣшливо въ сжимаетъ улыбку, а ротъ шепчетъ пилетки.

Разговоръ окончанъ, деньги получены.

Артемій Филипповичъ, державшійся свободнѣе другихъ чиновниковъ, неожиданно произнесъ всѣхъ въ рабскій